

С. И. Иорданиди

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

siordanidi@yandex.ru

К ИСТОРИИ ИМЕНТЕЛЬНОГО МНОЖЕСТВЕННОГО НА -Á В ИМЕНАХ НЕСРЕДНЕГО РОДА

Поводом к работе над становлением и развитием номинативных плюралных форм мужского рода на -á (*городá, рукавá*) послужила статья А. А. Зализняка, в третьей части которой исследован названный сюжет («Вопрос об Им. мн. несреднего рода на -á» [Зализняк 2018: 21–30]). Вопрос о происхождении рассматриваемых форм, сложный и, на наш взгляд, дискуссионный, все еще требует пересмотра роли различных факторов в становлении и развитии И. мн. несреднего рода на -á.

В предлагаемой статье обсуждаются следующие вопросы: 1) генезис исследуемых форм; 2) структурная и акцентная характеристика слов, усвоивших новую флексию на первых этапах ее существования; 3) распространение форм на -á на протяжении истории языка (с вниманием к их хронологической и территориальной отнесенности).

Ключевые слова: история языка, древнерусская морфология, плюралные формы, флексия, акцентная парадигма.

Предварительные замечания

Новая статья Андрея Анатольевича Зализняка [2018] заслуживает самого пристального изучения. Мы остановимся на её третьей части, посвященной формам И. мн. числа на -á (типа *лесá*), которая представляет большой интерес для тех, кто занимается этой проблемой. Наше исследование данной флексии было опубликовано довольно давно [Иорданиди 1982: 247–266]. Представляя свои соображения, наблюдения и материалы, в значительной мере дополненные, подчеркнем, что исследование А. А. Зализняка остается высоким образцом всестороннего анализа интересующей нас проблемы. Задача автора заключается в том, чтобы по мере сил и возможностей сосредоточиться на некоторых итоговых наблюдениях А. А. Зализняка.

В соответствии с нашими представлениями о становлении исследуемых форм выделяем три сюжета: 1) структурная и акцентная характеристика слов, усвоивших

нетривиальную флексию (термин А. А. Зализняка) в начальный период ее существования; 2) расширение состава слов с флексией -á, иллюстрируемое материалами, распределенными по хронологии и территориальной отнесенности; 3) происхождение исследуемой формы.

Как кажется, чтобы осознать весь масштаб этой морфологической истории, имеет смысл сначала обратиться к материалам, чтобы, как писал Р. Якобсон по другому поводу, «уяснить себе исторический процесс и усвоить правила игры аналогий» [Якобсон 1985: 176].

Существует более двух десятков работ, специально посвященных названной проблеме. В статье наряду с собранными нами материалами, извлеченными из памятников и исторических и диалектных словарей, использованы также материалы других авторов, исследовавших этот вопрос. По мере необходимости затрагиваются проблемы связи акцентных парадигм с процессом распространения исследуемой флексии номинатива в начальный и в неначальный периоды его развития. Известно, что этот сюжет подробнейшим образом изложен в многочисленных публикациях А. А. Зализняка [2002: 478–526; 2002а: 545–549; 2014: 269–276], поэтому нет необходимости подробно его излагать.

Материалы

Итак, начало функционирования нетривиальных номинативов относится к XV в. В этот период формы на -á представлены лишь единичными примерами, в первую очередь словами со значением парности (*бока, рукава*). Их трактовка как плюрализованных форм дв. числа в некоторых контекстах представляется убедительной. Первоначально новое окончание -á возникает в акцентной парадигме *с*, где все слова выступали с начальным ударением, а во мн. числе единого ударения не было (*гóродь гóрода — городóвь, гóроды* и т. д.). В дальнейшем происходит расширение акцентуационных рамок для слов, принимающих флексию И. мн. -á. Ограничения структурного и акцентного характера, накладываемые в начальный период на распространение флексии -á, обусловлены тем, что односложные основы с подвижным ударением раньше других попадают в русло морфологических преобразований: ср. историю форм родит.–местн. ед. ч. на -у (*лесу*) и И. мн. на -ов'е (*плодове*). По нашим наблюдениям, к числу ранних случаев употребления исследуемых форм в значении мн. ч. можно отнести следующие:

рукава же риз ихъ широци (мн.ч.) Сб. Кир.-Белозер., 1476¹;

Рукава же ризь широци а долзи Хожд. Игн. Смольнянина 1392 г. по сп. XV в.;

Татарове же многи града поимаша и волости повоеваша Лет Авр 1495, стб. 129 (но — *начаша ставити городы...* по Суль ЛН XIII₂, 68 об.);

¹ Сокращения названий источников соответствуют принятым в цитируемых источниках, а также в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (Т. 1–11. М., 1988–2016) и «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (Т. 1–30. М., 1975–2015).

а в *колокола* латыни звонят Путеш. новг. архиеп. Антония, сп. нач. XV в. (но — *колоколы* съима у *стыа* софие ЛН XIII–XIV, 3 об. (1066); *колоколы* изнесоша всѣ ЛИ ок. 1425, 194 об. (1171)).²

Сюда же можно отнести с некоторыми колебаниями и формы дв. числа с числительным *три*:

изѣмь. три *златника* Пр 1383, 73в; видѣста три *столпа* яки дугы зарны 75б (примеры из [Жолобов, Крысько 2001: 200–201]).

О. Ф. Жолобов видит здесь не формы мн. ч., а лишь потенциальную линию их развития. В берестяных грамотах сочетания с числовым словом *три* и флексией *-á* представлены также спорадически:

по *г̃*: *рѣбла* ГрБ 65 (первое сорокалетие XIV в.); *ω г̃*: *рѣбла* 144 (10–30 XIV в.); *г̃*: *полосца* (70–90 XIV в.) [Там же].

По справедливому замечанию О. Ф. Жолобова, в двойственном квантитативе, утратив ясную морфологическую принадлежность, форма на *-á* стала выступать не как член подпарадигмы дв.ч., а как изолированная форма И–ВП муж.р. на *-á* [Там же: 203].

В среднерусский период закрепление И. мн.ч. *-á* в этом классе слов происходит в условиях длительного сосуществования с флексией *-и(-ы)*: *глазы* — обычная форма до конца XVI в. (например: о *стыи* Пантелеймоне поспѣши уже *глази* спа(т) хотяь Пар XIV–XV, приписка, 99 об.), *роги*, *рукавы* отмечаются на протяжении XVIII в.

В течение XVI–XVII вв. формы на *-á* получают дальнейшее распространение, хотя все еще остаются малоупотребительными. В деловых документах этого периода можно отметить следующие:

жернова новые запасные АЮ, 1568 г.;
пожаловати <...> *леса* пашенные Арх. Маслова 26, 32;
и *леса* велѣно отмѣжѣвати Арз. акты 162;
луга Там же [Ананьева 1960: 326];
тагана и решотки <...> все было в счете Дом XVI, 125 [Демидова 1958 144: 79],
а также *города*, *моста*, *мастера*, *луга*, *струга*, *снега* [Иорданиди 1982: 216].
Дублетность форм на *-a/ -и(-ы)* обнаруживается в оформлении одних и тех же лексем в пределах одного контекста:
на лѣвой сторонѣ *луга* Гороховских слободщиков, а сошлис <...> тѣ *луги* съ Спаскими луги Гр 1529, 154, и т. д.

² В примере *Тога лѣта пригонѣ былѣ хрестьяномѣ к Новугороду города ставити* Лет Авр, стб. 178 форма *города* в значении ‘ограда, стена’ может быть интерпретирована как форма дв. ч. В Комиссионном списке I Новг. летописи и в IV Новг. летописи в этом контексте ей соответствует форма ед. числа *городь*.

Флексия -á, закрепляясь как новообразование разговорного языка, неравномерно распространяется в различных диалектных системах. Более широкая употребительность исследуемых форм наблюдается в южнорусском ареале. Чрезвычайно показательны данные курских, воронежских и других южнорусских деловых документов, содержащих большее число форм на -á в сравнении с данными новгородских, двинских, в особенности, московских памятников, представляющих эти образования в единичных случаях. Так, форма *леса* отмечается 16 раз в «Материалах для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний в XVI–XVIII столетии», *колокола* — 12 раз в «Воронежских писцовых книгах» 1651–1661 гг. [Демидова 1958: 76–79]. «Памятники южновеликорусского наречия» [Памятники 1977],] также содержат словоформы на -á: гдѣ *леса* болшие омѣривал 17 и т. п. В то же время деловой язык Москвы демонстрирует строгую лимитированность форм И. мн. на -á: в «Уложении» 1649 г. зафиксированы лишь словоформы *лѣса* 82, 159, 211, 233 и *суда* (но обычно — *суды*) [Андреева 1969: 16]. В «Письмах и бумагах Петра I» также отмечается несколько аналогичных форм: *берега, бока, колокола, леса* [Семин 1953: 11].

Опережающее развитие форм на -а в обиходно-разговорной речи находит отражение в скудном инвентаре примеров на -á в книжном языке XVI–XVII вв. В «Казанском летописце» зафиксирована лишь одна такая словоформа: во граде Казани звонь в *колокола* 395; в бытовых повестях этого периода отмечены формы *глаза, острова, леса, города* [Фролова 1948: 183] Ср. также: за волосы дерут, и под *бока* толкают <...> и в *глаза* плюют [Жит. Авв. 82] (в аналогичных контекстах Аввакум употребляет множественное число, ср.: меня водили пешева на патриархов двор, также *руки* ростяня [Там же 83], в дв.ч. было бы *руцѣ*).

К середине XVIII в. список лексем, оформляемых флексией -á, значительно расширяется, но нетривиальное окончание в ряде случаев выступает одновременно с окончанием -и(-ы). М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» приводит такие дублетные формы, как *береги* — *берега, луги* — *луга, лѣсы* — *лѣса, острова* — *острова, снега* — *снега, струги* — *струга, колоколы* — *колокола*. Только с флексией -á отмечены *бока, рога, глаза* [Ломоносов 1952: 46]. О закреплении форм ИП мн.ч. на -á к концу XVIII в. дает представление перечень словоформ, извлеченных из памятников этого периода различных жанров: *берега, бока, борова, вечера, воза, глаза, голоса, города, доктора, дома, колокола, края, леса, лоцмана, луга, мастера, меха, невода, образа, обилага, острова, паруса, повара, погребя, пояса, рога, снега, струга, терема, хлева, якоря, завеса, плуга, шага, ордена, волоса, стога, ястреба* [Очерки 1964: 209]. Образования с флексией -á, принадлежащие разговорному языку, в литературном языке не являются стилистически маркированными, что находит отражение в употреблении этих форм в произведениях «высокого» жанра: *града, луга, берега, острова* и др. [Там же: 208].

На протяжении XIX в. сфера функционирования флексии -á значительно расширяется, распространяясь далее в область суффиксальных и заимствованных образований: *лекаря, ассессора, писаря, лоцмана, доктора, профессора, смотрителя, служителя, вензеля, корпуса, автора, рубежа, молота, слесаря, кельнера,*

фельдшера, тормоза и мн. др. Параллельно с ростом дублетных образований (*веки — века, ветры — ветра, волосы — волоса, дома — дома, поясы — пояса, суды — суда, учителя — учителя, месяцы — месяца, стоги — стога* и др.) наблюдается тенденция к вытеснению отдельных форм на *-и(ы)* формами на *-á* (*снега́, дома́* и др.)³. Дальнейший рост словоформ с флексией *-á* уже не связан с ограничениями акцентного и структурного характера лексем, а является фактом грамматической аналогии и семантики. В современном литературном языке, по данным А. А. Зализняка, насчитывается около 250 слов м.р. с флексией ИП мн.ч. *-á* (в разговорной профессиональной речи и в диалектном языке таких форм существенно больше) [Зализняк 2002: 546–547]. Заметим, что совсем недавно прозвучало *флотá* (по радио), *матеря́* (по телевидению) и *ключá* (в речи рабочих).

Диалектные материалы свидетельствуют об активном распространении флексии *-á*, которая, обладая сильным индуцирующим характером, оформляет существительные не только мужского, но и женского рода. По говорам отмечаются следующие словоформы на *-á*: *бора, вереда, воза, волка, ворона, голода, грома, двора, дуба, жука, ключа, куста, лова, морока, моста, парома, пола, полка, ряда, конюха, выхода, запаха, пальца, пластыря, приговора, промысла, ситца, уговора, арбуза, войлока, дьякона, кавалера, оратора, рекрута, топора, верста, в голова, крутыи гора, деревня, яблоня, пустота, податя, волостя, зелена, круча, грязя, печа, площадь, стена, церквя, шинеля* и мн. др. [Обнорский 1931: 8–58].

Материалы ДАРЯ показывают, что распространение флексии *-á* связано с широким диалектным массивом, ограниченным соседством с белорусской и украинской языковой территорией, хотя и там изредка встречаются такие формы (например, *вуса*). В ряде севернорусских говоров флексия *-а* оформляет суффиксальные образования на задненебный согласный, оставась в этом случае безударной: *вороненка, сапоженка, башимаченка, мужичонка* [Там же]; *братишка, дворишка, глазка, рукавка* [Бромлей, Булатова 1972: 102–103] *парнишоночка, торфушка, крайка* [Соцкова 1976: 41]. Окончание *-á* распространено в говорах гораздо шире, чем в литературном языке; оно оформляет имена, известные нормированному языку только с флексией *-и(-ы)*: *парня, волоса, моста, фунта, кола, солода, хмеля, севера, живата, сока, груза, двора, хвартука, мнастыря, выбара, һлубя, льдыря* и др. [Иорданиди 1982: 220–221].

Процесс распространения наблюдаемой флексии захватывает сущ. женского рода, в основном в ареале южнорусского наречия и среднерусских акающих говоров. По наблюдениям С. В. Бромлей и Л. Н. Булатовой, оформление имен женского рода флексией мн. числа *-á* связано не только с типом склонения, но и с принадлежностью к определенному акцентологическому классу (имеется в виду принадлежность к генетическим **-а* и **-i*-основам и ударность основы в ед. числе и окончания во мн. числе). В говорах отмечаются такие номинативы, как: *бровя,*

³ Исследуемый процесс оказался весьма активным. По словам Я. К. Грота, «... окончание *-а, -я* во множественном числе имен мужского рода чрезвычайно распространено в языке и, можно сказать, непрерывно делает в нем новые завоевания» [Грот 1899: 329].

ведомостя, вестя, ветвя, вещь, властя, волостя, горстя, грудя, дверя, должно-
стя, дробя, жердя, зелена, кистя, плетя, крепостя, кровя, лошадя, матеря, дочеря,
ноча, областя, очередь, печя, плетя, площадя, податя, помоча, реча, сетя, скатер-
тя, снастя, соля, степя, цепя, церквя, частя, щеля, баня, буква, вишня, воля, гру-
ша, деревня, дыня, книга, конюшня, кожа, кофта, куча, мельница, оглобля, роца,
свадьба, сила, ступа, тыква, тысяча, улица, хата, шуба и мн. др. [Бромлей, Бу-
латова 1972: 102–103]. Здесь также обнаруживается флективный параллелизм —
И. мн. на -á и -и(ы), т. е. брови — бровя, силы — сила и т. п. [Там же].

Становление номинативов мн. на -á, как и становление унифицированной па-
радигмы мн. числа с показателем множественности *a*, относится не к простым по-
ступательным процессам, а к сложным и неравномерным. «Необычайная внешняя
прихотливость» истории форм на -á [Ожегов 1955: 26] связана со многими разно-
плановыми факторами: сменой акцентуации, частотностью, семантикой, сменой
стилистической маркировки⁴ и т. п. Приведем сравнительные данные об интересую-
щих нас формах по работам А. Х. Востокова [1831: 378–383], Я. К. Грота [1899:
329–332], В. И. Чернышева [1970: 504–505]. Эти работы демонстрируют увеличе-
ние год от года списка исследуемых словоформ, вместе с тем Грот не включает
в свой список слова *боров, брег, возраст, ректор* и др., фигурирующие у А. Х. Вос-
токова; список Чернышева существенно шире, но автор не включает такие слова,
как *вахтер, веред, вертел, вымпел, гетман, пекарь, ротмистр, рупор, череп* (как
ненормативные для описываемого периода). Как справедливо отмечал С. И. Оже-
гов, «многие слова, приобретая это окончание, в дальнейшем его не сохранили
и возвращались к старому. Взамен появлялись новые серии слов с окончанием -á»
[Ожегов 1955: 25].

Происхождение

Относительно происхождения И. мн. с флексией -á в именах несреднего рода
было выдвинуто множество гипотез. Они известны, но позволим себе совсем
коротко напомнить о них. А. И. Соболевский полагает, что появление новообра-
зований на -á (*лѣса, городá*) связаны с дуальными формами (типа *бокá*, для ко-
торых предполагается конечное ударение), собирательными (типа *господа* с удар-
ным -а, *латина* с безударным -а), и сущ. на -ья (*братия, зятя, дядя, каменя*
и т. п. с любым ударением) [Соболевский 1907: 218–222]. А. А. Шахматов, счи-
тая основным в решении исследуемой проблемы вопросы акцентологии и опира-
ясь на представление о развитии номинатива-аккузатива на -á в дуалисе от слов
с подвижным ударением, полагает, что формы И. мн. на -á являются продолжени-
ем исчезнувших форм дв.ч. [Шахматов 1911: 503]. С. П. Обнорский обосновывает

⁴ Любопытное замечание о «своего рода» дополнительном распределении грамматического и стилистического варьирования ближе к концу среднерусского периода было сделано Д. Вор-
том: «... начало и середина XVII в. были временем усиления грамматической стандартизации
и, одновременно, — временем ослабления стилистических ограничений» [Ворт 2006а : 328].

точку зрения А. А. Шахматова обширным диалектным материалом и делает ряд интересных наблюдений относительно дальнейшего развития рассматриваемых форм [Обнорский 1931: 54]. Колебания Л. А. Булаховского относительно места ударения в субстантивных формах И.-В. дв. ч. муж. рода (на первом слоге или на последнем) дают ученому основание усомниться в образовательной активности дуальных форм и вернуться к гипотезе В. Ягича об аналогических отношениях Р. ед. — И. мн. (*облака* — *облака́*, *бе́рега* — *берега́*) [Булаховский 1953: 127 и след.]. В работах последующего периода причины появления флексии И. мн. муж. рода на *-á* рассматриваются или в связи с утратой форм дв. ч. или с индукцией И. мн. ср. рода при участии ряда сопутствующих факторов, в частности акцентологического аспекта, унификации флексий Д., М., Т. мн. и выделения показателя множественности *a*.

Оригинальное видение этого процесса изложено в вышеназванной статье А. А. Зализняка, который подробнейшим образом рассматривает процесс постепенного распространения форм И. мн. на *-á*, исходя из принадлежности соответствующих слов определенным акцентным парадигмам. Полагая, что замена старых форм на новые была стимулирована тенденцией к установлению единого ударения во всей субпарадигме мн. числа, ученый констатирует, что новое окончание появляется только в акцентной парадигме *c*, где все слова в ед. числе имели начальное ударение (*гóродь*, *гóрода*, *луг*, *луга*), а во мн. числе «единого ударения не было», и это соотношение «получило статус синхронического правила». Далее, по мере продвижения к нашему времени, в описываемый процесс включаются слова других типов акцентуации — с различного рода нюансами (в литературном языке), но в говорах процесс развития исследуемых форм не подчиняется разного рода ограничениям, действующим в литературном языке.⁵

А. А. Зализняк, делая выводы о причинах становления номинатива на *á*, категорически отвергает участие в этой истории форм дв. числа [Зализняк 2018: 28] и называет два фактора, приведшие к появлению образований на *-á* в И. мн.: 1) распространение единого показателя мн. числа *a* — из косвенных падежей и 2) и развитие новых словоформ И. мн. со значением собирательности или усиленной множественности и с синтаксической амбивалентностью, позволяющей им сочетаться с определениями и предикатами как в ед., так и во мн. числе [Там же].

⁵ На возможность совмещения двух факторов, обуславливающих образование форм мн. числа на *-a* в современном русском языке, обращает внимание Д. Ворт. Помимо места ударения в ед. числе (где ударение или падает на единственный слог, или — в двусложных и многосложных словах — ударным является предпоследний слог: *жéмчуг*, *óткуп*, *пóезд*, *áдрес*, *пáрус*, *бу́фер*, *пéкарь*, *дирéктор*, *кондóктор*, *профéссор*, *учéтель*, *прожéктор* и др.), автор обращает внимание на сегментно-фонологические условия возможности образования мн. числа на *-a*, а именно: присутствие в основе муж. рода нео- или псевдополногласия. Это следующие основы: 1) с восточнославянским полногласием — *берег*, *тетерев*, *голос*, *колокол*; 2) русские основы, отчасти повторяющие фонологическую структуру полногласных сочетаний, — *пóтрых*, *тóрмос*; 3) с основы на плавные, которым предшествуют смычные, в исконных или заимствованных словах — *вéчер*, *тóполь*, *сóболя*, *штéпсель*, *шóмпол* [Ворт 2006: 19]. Представляется, что детальный анализ этих фактов должен иметь место в дальнейших исследованиях.

Поддержанная А. А. Зализняком теория о развитии в И. мн. флексии *á* из косвенных унифицированных форм Д., Т., М. кажется убедительной⁶. Но, как мы полагаем, резонно было бы обратить внимание на историю нетривиальных форм И. мн. существительных ср. рода — типа *дѣлы*, появляющихся в то время, когда унифицированные флексии мн. числа *-ам*, *-ами*, *-ах* уже утвердились в языке. Как нам представляется, этот процесс — не что иное, как экспликация мощнейшей тенденции нейтрализации рода в парадигмах мн. числа, вылившейся в «зеркальный» процесс появления нетривиальной флексии *-и(-ы)* в И. мн. имен ср. рода из парадигмы имен муж. рода.

Стоит заметить, что В. Ягич [1889: 104–105] первым высказал предположение о том, что «... эти формы (И.мн. на *-á* — *С.И.*), довольно поздние, стали входить в употребление только тогда, когда в трех косвенных падежах уже установились окончания *амь*, *ахь*, *ами*... Нельзя, однако, утверждать, что упомянутых трех падежей было достаточно для воспроизведения именительного на *а*... Спрашивается, не действовала ли тут, в самом деле, аналогия окончания среднего рода на *а*?». Вот что важно, как нам представляется.

На этом утверждении есть смысл остановиться. Правомерный вопрос о причинах, по которым И. мн. ср. рода был взят «на вооружение» И. мн. муж. рода, может получить аргументированный ответ. Мы исходим из положения, наиболее четко сформулированного В. К. Журавлевым и В. П. Мажюлисом о том, что генерализация флексий осуществлялась по горизонтальной оси парадигм [Журавлев, Мажюлис 1978: 39]. Что касается ударности флексии И. мн. *а*, то это не только и не столько результат влияния индуцирующих форм разного рода, а следствие включения таких форм в парадигму с инновационными флексиями *ам-*, *-ами*, *-ах*. Эта «тройка» формирует во множественной парадигме колонное ударение.

Итак, важнейший процесс, определивший судьбу субстантивных парадигм во мн. числе, — процесс нейтрализации признака грамматического рода. Он представлен, в частности, и в «зеркальной» замене исконных форм сущ. ср. рода мн. числа на *-а* формами на *-и(-ы)*: *селы*, *бревны*, *письмы* и т. п. Такие формы появляются одновременно с формами И. мн. муж. на *-á*, т. е. в начале среднерусского периода: *числы* Пч XV, 1 об., *лѣты* Гр (двин.) XV в., *селы* с бортью ДДГ 1401–1402; а въ грамотѣ у вась <...> *имяны* не писаны АЮБ, 15. Б. Унбегаун приводит форму *осмеры колесы* ЛО 1553, 133 [Unbegaun 1935: 163–164]; В XVI–XVII вв. зафиксировано много таких образований: *блюды*, *государствы*, *царствы*, *княжествы*, *помѣсты* [Сосрон 1962: 68–69], *болоты*, *бревны*, *воеводствы*, *войски*, *деревы*, *жилицы*, *зеркалы*, *знамены*, *колесы*, *окны*, *письмы* [Даневич 1961: 8] и т. п. Что

⁶ Эта точка зрения наиболее четко была сформулирована А. А. Зализняком ([2002], первое издание 1967 г.), а затем, независимо от этой работы, В. М. Марковым [1974: 121]. Аналогичную концепцию развивает Г. А. Хабургаев [1990: 152 и след.], трактуя а как показатель множественности именной парадигмы. Заметим, что в юго-западных говорах в XIV в. «уже сложилась весьма унифицированная парадигма *о-склонения: ИП *-ове* — РП *-ов* — ДП *-ом* — ТП *-ми* — МП *-охъ* (типа *панове*—*пановъ*—*паномъ*—*панми*—*панохъ*) [Иорданиди, Крысько 2000: 272–273; Иорданиди 1981: 172; 1982: 13–14 и др.].

касается территориального распространения этих инноваций, то в новгородских и двинских грамотах они минимальны — например, *ловищи*. В южных деловых документах, напротив, они весьма многочисленны: *месты, стоилы, письма, окны, урочищи, гумны, тяглы, копыты, наси(л)ствы* и т. п. [Памятники 1977]. Эти формы отмечаются очень часто в памятниках деловой письменности XVII в.; С. П. Обнорский [1931: 118–121] приводит ряд примеров, извлеченных им из диалектных материалов и фольклора: *болоты, гнезды, лицы, бревны, веслы, ворота, кольца, пойлы, ествы, полотенцы, платы, ружьи, корыты, сукны, полены, мясы, бельмы, дровы, полотны* и мн. др. Ареал распространения флексии И. мн. ср. рода на *-и(-ы)* — западные области, пограничные с территорией украинского и белорусского языков, а также центральные и южные области, где наблюдается функционирование исследуемых образований параллельно с исконными формами на *-а*.

О значительном распространении форм на *-и(-ы)* имен сред. рода можно говорить, лишь начиная с конца XVII в. В памятниках XVIII — первой половины XIX в., несмотря на стилистическую маркированность (они квалифицируются как разговорные), такие формы отмечаются очень часто (в том числе в текстах литературного и нейтрального характера): *правилы, правы, ядры, эхи, злодействы, предисловиши, состоянши, блажнствы, поученьи, белилы, блюды, знамены, кольца, копыты, леты, лицы, монисты, озеры, окны, паникадилы, перила, письма, полотны, пугалы, пятны, ребры, румяны, селы, сердцы, стеклы, сушилы, удилы, утры, чады, чучелы, яйцы, яствы* и др. Резкое сокращение форм на *-и(ы)* начинается со второй половины XIX в. [Очерки 1964: 234]. В книжном языке исследуемые формы утверждаются в кругу лексем на *-ко*: *яблоки, окошки, перышки, местечки* и др. Однако в диалектном языке и фольклоре И.-В. мн. на *-и(ы)* у имен ср. рода представлен значительно шире: *болоты, коленцы, гнезды, лицы, бревны, веслы, пойлы, ведры, корыты, сукны, буркалы, полотны, сёдлы* и т. п. [Бромлей, Булатова 1972: 102]. Ареал распространения этой флексии — западные области, пограничные с территориями укр. и белорусского языков, а также центральные и южные ареалы, где наблюдается функционирование рассматриваемых образований параллельно с формами на *-а*. В «Атласе говоров центральных областей к северу от Москвы» [ДАРЯ, карта №9] И. мн. ср. рода на *-и(-ы)* зафиксирован в оскольских, костромских, калининских говорах в виде разорванных ареалов; такие формы засвидетельствованы в старобелорусских материалах (*двѣлы, мѣсты*) и в современных белорусских говорах: *воиски, ворота, вёдры, леты, письма, пёры, палотны, помёлы, сёдлы, яйцы, яблоки* и др. [Карский 1956: 141], но отсутствуют в украинском языке.

Унификация системы падежных флексий (как и унификация системы падежных противопоставлений) является содержанием процесса нейтрализации признака рода в парадигмах мн. ч. Эта унификация протекает как сокращение ряда синонимичных флексий: муж. род *столи/столы/столове/стола*, т. е. от ср. рода к муж. — здесь флексия *-а* используется наряду с *-и(-ы)* или вместо нее; от муж. рода к ср. — *-и(-ы)* наряду с *-а* или вместо нее: *мѣста/мѣсты*.

Думается, что в описании становления флексии И. мн. *-а* в кругу существительных несреднего рода причиной формирования унифицированной парадигмы

мн. числа явился процесс нейтрализации грамматического рода, а средством стала замена маркированных по роду флексий немаркированными. Полагаем, что возникновение И мн. муж. рода на — á инициировано формами номинатива ср. рода мн.ч. на -а с одновременной поддержкой формами косвенных падежей на -ам, -ах, -ами. Мы, таким образом, разделяем точку зрения В. Ягича. Ученым впервые четко был показан ход распространения номинативных форм И. мн. на -á.

А. А. Зализняк в своей статье уделяет особое внимание роли форм И.дв. на -а в истории И.мн. муж. рода на -á. Описание сложных перипетий, сопровождавших стабилизацию акцентуации форм именительного падежа дуалиса, приводит автора к мысли, что явная конкуренция форм *ро́га* и *рога́*, *бо́ки* и *бока́*, *гла́зы* и *глаза́*, фигурирующих в древнерусских текстах, не могла создать благоприятную ситуацию для закрепления И. мн. муж. рода на -á под влиянием этих форм [Зализняк 2018: 24–29].

Выводы ученого о «непричастности» форм дуалиса к формированию И. мн. на -á, как кажется, еще нуждается в анализе. На основе статистических данных об ударности/безударности интересующих нас форм А. А. Зализняк приводит материалы из акцентуированных памятников, где ударные формы численно уступают безударным, и солидаризируется с В. М. Марковым, который писал: «...от решающей роли образований типа *бе́рега*, *бо́ка* по необходимости приходится отказаться» [Марков 1974: 22].

В последних исследованиях показано, что дуальные формы существовали вплоть до конца древнерусского периода, а в таких сочетаниях, как например, *два часа*, *два шага*, В. В. Виноградов и А. А. Зализняк видели на синхронном уровне счетный падеж или счетную форму.

И все-таки, по нашему мнению, формы И. дв. на -а входили в число индукторов И. мн. муж. р. на -á. Согласно О. Ф. Жолобову, «утрата дв. числа в древнерусском языке была длительным процессом. Она прошла четыре этапа накопления нейтральных числовых форм, заменявших маркированные формы, результатом чего выилось внутрикатегориальное семантико-грамматическое обобщение <...> завершился <...> четвертый этап к началу XV в. <...> Наиболее значительная роль в речевой трансформации числового противопоставления принадлежала <...> конструкциям с двумя именами, которые начинают смешиваться с конструкциями, содержащими многоименные последовательности» [Жолобов, Крысько 2001: 207]. И еще: «Распад дуальной подпарадигмы не затронул формы И–ВП дв.ч. в сочетаниях типа *два года*» [Там же: 209]. Добавлю со своей стороны, что эти формы функционировали еще в XVII в. и продолжают функционировать в современном языке, превратившись в квазиродительный падеж ед. числа. Говоря об утрате дв. числа, надо разделять две составляющих: категорию дв.ч. и ее формы. Ср. высказывание А. Мейе: «...исчезновение дв. числа происходило постепенно и оставило во всех языках обильные следы, морфологические и синтаксические» [Мейе 1951: 260].

Приходится сделать непопулярный вывод о том, что ударность флексии -а в кругу индуцирующих слов не имела определяющего значения в процессе закрепления

флексии *á* в словах м. р. (ср. И. мн. ср. рода *о́кна, боло́та, я́дра, су́кна, озе́ра, но се́рдца́, дела́, местá, стада́*). Распространению инновационных форм на *-á* способствовали также собирательные этнонимы: *башикира, зиягола, ижера, корела, литва, меря, морава, мордва, мурома, норова, печера, свея, черемиса, угра, чуваша, латина* и разнородные многочисленные образования на *-ья*, фиксирующиеся начиная с XIII в.: *камения* ПрЛ XIII в., Пр 1383, ЛИ ок. 1425; *листя, колосья, уголья; братья, шурья*, также не имеющие стабильной конечной акцентуации [Еселевич 1979: 91 и след.; Азарх 1977: 189–210].

Итак, развитие номинатива на *-á* в именах несреднего рода привело к следующим процессам: а) формированию унифицированной парадигмы с элементом *а* — показателем значения множественности и б) вытекающим отсюда противопоставлением парадигм ед. и мн. числа по структурно-акцентологическим признакам.

Обратимся к той категории слов, которые в контексте нашей проблемы также были предметом особого внимания [Иорданиди 1985: 247–266]. В древнерусском языке старшей поры слова типа *горожанинь, родитель, мытарь* составляли особый словоизменительный класс в склонении, объединяющем существительные бывших согласных основ. Но их словоизменение можно назвать контаминированным. На протяжении XI–XVII вв. исконная флексия И. мн. *-е* (*камене* и т. п.) вытесняется флексией *-и*: *граждане, вавилуныне, аравляне, амазоняне, дворяне, бояре, полочане, селчане, поселяне* vs. *татары(ы), суряны, горожани(ы), хрестьяни(ы), болгары; родителе, дѣлателе, учителе, мучители* vs. *грабители, чистители, съвѣдѣтели; мытаре* vs. *пушкари, рыбаи, государи, постари, келари* и т. д.

С конца XV в. памятниками разговорного языка, а в XVI–XVII вв. — и книжного языка у существительных типа *горожанинь* и *родитель* документируются формы И. мн. на *-á*: *хрестьяня, бояря, устюжяня, дворяня, граждяня, мѣцяня, никоняня, гречяня* и под. Позднее, с первой трети XIX в., эту флексию получают слова на *-тель*: *родителя, смотрителя, служителя* и т. п.

Начиная с XVI в. появляются формы номинатива на *-а* у слов типа *горожанинь*: *бесермена, бояра, галичана, дворяна, граждана, новгородчана, миряна, хуторяна, самаряна*. Они отмечаются на севере русской диалектной территории (см. обширную библиографию и материалы в статье [Иорданиди 1985: 260–263]).

Вопрос о происхождении таких форм был предметом специальных исследований. По мнению А. А. Шахматова, формы на *-а(-я)* являются результатом перехода конечного безударного *е* → *á*; развитие же унифицированных флексий косвенных падежей стало причиной отвердения исходных согласных и появления номинатива на *-а* [Шахматов 2010: 335]. Аналогичного мнения придерживается Н. Н. Дурново [1924: 286]. С. П. Обнорский связывает подобные образования с влиянием собирательных этнонимов (*корела, черкеса*) и т. п. [Обнорский 1931: 134]. П. С. Кузнецов высказывает предположение о происхождении флексии *-á* под влиянием форм типа *братия*. Что касается флексии И. мн. *-á*, то, по мнению ученого, следует иметь в виду два индуцирующих фактора: класс собирательных имен на *-а*, которые согласовывались по мн. числу (*корела, литва, латигола, меря, мордва, мурома, черемиса, ижера*

и др.), и формы на -а, получившие твердый согласный в конце основы под влиянием косвенных падежей [Кузнецов 1959: 54]. Подытоживая, подчеркнем, что определенная роль в развитии номинатива на -á в этой категории слов играла лексическая семантика — и те, и другие имели значение лица и собирательности.

Некоторые выводы

В свете вышеизложенного можно констатировать, что флексия -á в именах несреднего рода явилась результатом действия нескольких факторов, которые прямо или косвенно способствовали утверждению этих нетривиальных форм. К их числу, помимо выдвинутых А. А. Зализняком, — показателя множественности *a* и собирательных разного рода, — относятся по нашему мнению, также такие, как влияние И.-В. дв. числа, влияние И. мн. имен ср. рода с исконной флексией -á (фактор, на важности которого настаивал в свое время В. Ягич) и более широкий круг имен собирательных, помимо названных А. А. Зализняком. Эти факторы действовали в одном направлении — как индукторы становления рассматриваемого в данной статье феномена. Что касается основного регулятора распространения формы И. мн. муж. рода с флексией -á (как и И. мн. ср. рода с флексией -ы), то он кроется в глобальной грамматической тенденции, действовавшей на протяжении истории языка — в унификации средств выражения падежно-именных форм, о чем уже многократно говорилось в ряде работ по исторической грамматике русского и др. славянских языков; этот процесс стимулировал развивающуюся тенденцию к акцентной противопоставленности парадигм ед. и мн. числа.

Источники

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Морфология. Комментарии к картам. Вып. II. Карта №9. / Ред. Аванесов Р. И., Бромлей С. В. М., 1989.

Жит. Авв. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения / Ред., вступ. статья и коммент. Н. К. Гудзия. М., 1934.

Ломоносов 1952 — *Ломоносов М. В.* Российская грамматика // Полное собрание сочинений. Т.7. М–Л., 1952.

Памятники 1977 — Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / Составители С. И. Котков и Н. С. Коткова. М., 1977.

Литература

Азарх Ю. С. К истории собирательных типа *братья, зверье* в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. М., 1977. С. 189–210.

Ананьева В. П. К вопросу о формах именительного падежа множественного числа имен существительных мужского рода на -и, -ы, -ове, -а в «Казанском летописце» // Уч. зап. Московского гос. пед. института. Т. 148. М., 1960. С. 312–328.

Андреева Л. С. Формы имен существительных в дипломатической корреспонденции Московской Руси (на материале статейных списков XVI–XVII вв.). Казань, 1969.

Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

Булаховский Л. А. Курс истории литературного языка (Исторический комментарий). Т. 2. Киев, 1953.

Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М., 1979.

Ворт Д. Условия образования множественного числа на *-á* в современном русском языке // *Ворт Д.* Очерки по русской филологии. М., 2006. С. 15–20.

Ворт Д. Об окончаниях *-am*, *-ami*, *-ach* в русском языке XVI–XVII веков // *Ворт Д.* Очерки по русской филологии. М., 2006. С. 321–329.

Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб., 1831.

Грот Я. К. О русском ударении вообще и об ударении имен существительных // *Грот Я. К.* Филологические разыскания. Труды. Т. 2. СПб., 1899. С. 329–332.

Даневич А. В. Грамматические особенности русских повестей второй половины XVII в. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1961.

Демидова Г. И. Из истории форм именительного падежа множественного числа имен существительных в русском языке XII–XVII вв. // Уч. зап. Ленинградского гос. пед. института. Т. 144. Л., 1958. С. 145–166.

Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924.

Еселевич И. Э. Из истории категории собирательности в русском языке. Казань, 1979.

Жолобов О. Ф., Крысько В. Б. Двойственное число / Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II. М., 2001.

Журавлев В. К. *Мажюлис В. П.* Из диахронической морфологии славянских и балтийских языков. Вильнюс, 1978.

Зализняк А. А. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 478–526.

Зализняк А. А. О показателях множественного числа в русском склонении // *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002а. С. 545–549.

Зализняк А. А. К вопросу об акцентной эволюции энклиноменов в русском языке // Язык. Константы. Переменные. Сб. статей. Памяти А. Е. Кибрика. СПб., 2014. С. 269–276.

Зализняк А. А. Функции флексии именительного падежа *-a* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2018. № 1 (35). С. 9–32.

Иорданиди С. И. К истории функционирования флексии именительного множественного *-ov'e* в восточнославянских языках // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1979. М., 1981. С. 167–183.

Иорданиди С. И. Из истории форм существительных именительного множественного на -á в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1980. М., 1982. С. 212–237.

Иорданиди С. И. Из истории вариантных флексий именительного множественного в русском субстантивном склонении // Учебные материалы по проблеме синонимии. Ч. 1. Ижевск, 1982. С. 13–14.

Иорданиди С. И. Формы именительного множественного существительных типа *горожанинь, родитель, мытарь* в истории русского языка // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1982. М., 1985. С. 247–266.

Иорданиди С. И., Крысько В. Б. Множественное число именного склонения / Историческая грамматика древнерусского языка. Т. I. М., 2000.

Карский Е. Ф. Белорусы. Вып. 2–3. Киев, 1956.

Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.

Обнорский С. П. Именное склонение в русском языке. Вып. 2. Л., 1931.

Ожегов С. И. Очередные вопросы культуры речи // Вопросы культуры речи. Вып. 1. М., 1955. С. 5–33.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменение в формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М., 1964.

Семин И. Е. Именное склонение в «Письмах и бумагах Петра I». Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1953.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.

Соцкова О. А. О некоторых особенностях употребления форм числа (на материале ярославских говоров) // Вопросы русского языка. Ярославль. 1976. С. 41–45.

Фролова С. В. Именное склонение в русской оригинальной бытовой повести XVII–XVIII столетий // Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. и учит. ин-та. Вып. 9. Куйбышев, 1948. С. 175–194.

Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.

Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи // *Чернышев В. И.* Избранные труды. Т. 1. М., 1970.

Шахматов А. А. Курс истории русского языка. Т. 3. СПб. 1911.

Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. Изд.-2-е. М., 2010.

Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.

Якобсон Р. Морфологические наблюдения над славянским склонением // *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985. С. 176–197.

Cosron F. La langue russe dans la seconde moitié du XVIIe siècle (morphologie). Paris, 1962.

Unbegaun B. La langue russe au XVIe siècle. Paris, 1935.

Sofia I. Iordanidi

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

siordanidi@yandex.ru

ON THE HISTORY OF THE NOM. PL. INFLEXION IN -Á OF NON-NEUTER NOUNS

This paper discusses the formation and development of nominative plural forms of the masculine gender in *-á* and is inspired by A. A. Zaliznyak's article in the first issue of the journal *Russian Language and Linguistic Theory* 2018/1. The third part of A. A. Zaliznyak's article focusses on the question of the Nom. Pl. inflexion in *-á* of non-neuter nouns. The question of the origin of the forms under consideration is complex and, in our opinion, subject to debate. A review of the role of various factors in the formation and development of non-neuter nouns with Nom. Pl. in *-á* is still needed. The article discusses such issues as:

- 1) the genesis of the forms under examination;
- 2) the structural and accentual characteristics of the words which obtained the new ending in the first stages of their existence;
- 3) the expansion of forms in *-á* throughout the history of the Russian language (with attention to their chronological and areal aspects).

Keywords: Russian language history, morphology, plural forms, ending, accent paradigm.

References

Ananjeva V. P. K voprosu o formakh imenitel'nogo padezha mnozhestvennogo chisla imen sushchestvitel'nykh muzhskogo roda na *-i*, *-y*, *-ove*, *-a* v «Kazanskom letopisce». *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni Lenina*. T. 148. Moscow., 1960. S. 312–328.

Andreeva L. S. *Formy imen sushchestvitel'nykh v diplomaticheskoi korrespondencii Moskovskoi Rusi (na material'e stateinykh spiskov XVI–XVII v.)*. Kazan', 1969.

Azarkh Yu. S. K istorii sobirateľnykh tipa *bratya*, *zverye* v russkom yazyke. *Obshcheshlavyanskii lingvistichestskii atlas. Materialy i issledovaniya*. 1975. Moscow, 1977. S. 189–210.

Bromlei S. V., Bulatova L. N. *Ocherki morfologii russkikh govorov*. Moscow, 1972.

Bulakhovskii L. A. *Kurs istorii literaturnogo yazyka (Istoricheskii kommentariy)*. T. 2. Kyiv, 1953.

Chernyshev V. I. *Pravil'nost' i chistota russkoi rechi*. In: Chernyshev V. *Izbrannye trudy*. T. 1. Moscow, 1970.

Cocron F. *La langue russe dans la seconde moitié du XVIIe siècle (morphologie)*. Paris, 1962.

Danevich A. V. *Grammaticheskie osobennosti russkikh povestey vtoroy poloviny XVII veka*. Thesis. Kyiv, 1961.

Demidova G. I. Iz istorii form imenitel'nogo padezha mnozhestvennogo chisla imen sushchestvitel'nykh v russkom yazyke XII–XVII vv. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. T. 144. Leningrad, 1958. S. 145–166.

Durnovo N. N. *Ocherk istorii russkogo yzyka*. Moscow; Leningrad, 1924.

Eselevich I. E. *Iz istorii kategorii sobiratel'nosti v russkom yazyke*. Kazan', 1979.

Frolova S. V. Imennoe sklonenie v russkoi original'noi bytovoi povesti XVII–XVIII stoletii. *Uchenye zapiski Kuibyshevskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo i uchitel'skogo instituta*. Vyp. 9. Kuibyshev, 1948. S. 175–194.

Grot J. K. O russkom udarenii voobshche i ob udarenii imen sushchestvitel'nykh. In: Grot J. K. *Filologicheskies razyskaniya. Trudy*. T. 2. St. Petersburg, 1899. S. 329–322.

Jordanidi S. I. K istorii funkcionirovaniya fleksii imenitel'nogo mnozhestvennogo -ove v vostochnoslov'anskikh yazykakh. *Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas: Materialy i issledovaniya*. 1979. Moscow, 1981. S. 167–183.

Jordanidi S. I. Iz istorii form sushchestvitel'nykh imenitel'nogo mnozhestvennogo na -á v russkom yazyke. *Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas: Materialy i issledovaniya*. 1980. Moscow, 1982. S. 212–236.

Jordanidi S. I. Iz istorii variantnykh fleksij imenitel'nogo mnozhestvennogo v russkom substantivnom sklonenii. In: *Uchebnye materialy po probleme sinonimii*. Chast' I. Izhevsk, 1982. S. 13–14.

Jordanidi S. I. Formy imenitel'nogo mnozhestvennogo sushchestvitel'nykh tipa gorozhanin, rodite'l, mytar' v istorii russkogo yazyka. *Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas: Materialy i issledovaniya*. 1982. Moscow, 1985. S. 247–264.

Jordanidi S. I., V. B. Krys'ko. *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. T. I. Mnozhestvennoe chislo imennogo skloneniya*. Moscow, 2000.

Karsky E. F. *Belorusy*. Vyp. 2–3. Kyiv, 1956.

Khaburgaev G. A. *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka. Imena*. Moscow, 1990.

Kuznecov P. S. *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka*. Moscow, 1959.

Markov V. M. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Imennoe sklonenie*. Moscow, 1974.

Meillet A. *Obshcheslav'anskiy yazyk*. Moscow, 1951.

Obnorskii S. P. *Imennoe sklonenie v russkom yazyke*. Vyp. 2. Leningrad, 1931.

Ocherki po istoricheskoy grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka. Izmeneniya v slovoobrazovanii i formakh sushchestvitel'nogo i prilagatel'nogo. Moscow, 1964.

Ozhegov S. I. Ocherednye voprosy kul'tury rechi // *Voprosy kul'tury rechi*. Vyp. 1. Moscow, 1955., S. 5–33.

Semin I. E. *Imennoe sklonenie v «Pis'makh i bumagakh Petra I»*. Thesis. Kujbyshev, 1953.

Shahmatov A. A. *Kurs istorii russkogo yazyka*. T. 3. St. Petersburg, 1911.

Shahmatov A. A. *Istoricheskaya morfologiya russkogo yazyka*. Izd. 2-e. Moscow, 2010.

Sobolevskii A. I. *Lekcii po istorii russkogo yazyka*. Moscow, 1907.

Sockova O. A. O nekotorykh osobennost'akh upotrebleniya form chisla (na materiale yaroslavskikh govorov). *Voprosy russkogo yazyka*. Yaroslavl', 1976. S. 41–45.

Unbegaun B. *La langue russe au XVIe siècle*. Paris, 1935.

Voroncova V. L. *Russkoe literaturnoe udarenie XVIII–XX vv. Formy slovoizmeneniya*. Moscow, 1979.

Vostokov A. Kh. *Russkaya grammatika*. St. Petersburg, 1831.

Wort D. Usloviya obrazovaniya mnozhestvennogo chisla na *-a* v sovremennom russkom yazyke. In: Wort D. *Ocherki po russkoi filologii*. Moscow, 2006. S. 15–20.

Wort D. Ob okonchaniyah *-am, -ami, -ach* v russkom yazyke XVI–XVII vekov. In: Wort D. *Ocherki po russkoi filologii*. Moscow, 2006. S. 321–329.

Yagich V. *Kriticheskie zametki po istorii russkogo yazyka*. St. Petersburg, 1889.

Yakobson R. Morfologicheskie nabl'udeniya nad slav'anskim skloneniem. In: Yakobson R. *Izbrannye raboty*. Moscow, 1985. S. 176–197.

Zaliznyak A. A. Zakonomernosti akcentuacii russkikh odnoslozhnykh sushchestvitel'nykh muzhskogo roda. In: Zaliznyak A. A. *Russkoye imennoye slovoizmenenie s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu*. Moscow, 2002. S. 478–526.

Zaliznyak A. A. O pokazatel'akh mnozhestvennogo chisla v russkom sklonenii. In: Zaliznyak A. A. *Russkoye imennoye slovoizmenenie s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu*. Moscow, 2002. S. 545–549.

Zaliznyak A. A. K voprosu ob akcentnoi evolucii enklinomenov v russkom yazyke // Yazyk. Konstanty. Peremennye. *Sbornik statei. Pam'ati A. E. Kibrika*. St. Petersburg, 2014. S. 269–276.

Zaliznyak A. A. Funkcii fleksii imenitel'nogo padezha *-a* v russkom yazyke. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic theory]. 2018, № 1 (35). S. 9–32.

Zholobov O. F., Krys'ko V. B. *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. T. II. Dvoystvennoe chislo*. Moscow, 2001.

Zhuravlev V. K., Mazhulis V. P. *Iz diakhronicheskoi morfologii slav'anskikh i baltiiskikh yazykov*. Vil'nus, 1978.